

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
"МОРАЛЬНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ МИРА ЦВЕТОВ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ТОНОВ"
Из GA 275

Лекция, прочитанная в Дорнахе 1-го января 1915 года

В недавнем прошлом подход к искусству как у создателей художественных произведений, так и у людей наслаждающихся ими, был некоего рода внешним смотрением, - обращением к тому, что могло подступить к художнику извне. Невозможность при внешнем смотре обойти без природы и модели становилась все больше и больше. Однако, не должно быть односторонне указано на возможность отвержения природы, отвержения внешней действительности в искусстве будущего. Это чуждо нам. Наоборот, должно быть указано на наступление еще более интенсивного совместного бытия с внешним миром, на столь сильное его сопереживание, что оно распространяется не только на внешнее впечатление от цвета, музыкального тона и формы, но также и на то, что может быть пережито за музыкальным тоном. За цветом, за формами, - что открывается в цвете, музыкальном тоне и форме. В этом отношении человеческие души сделают в будущем исполненные великого значения открытия. Они действительно свяжут свое морально-спиритуальное существо с тем, что приносит нам видимость, доставляемая внешними чувствами. В этой области можно предвидеть бесконечное углубление человеческой души. Возьмем за основу сперва один случай. Просто представим себе, что мы направляем над взор на поверхность, сияющую красным цветом киновари, и примем дальше, что мы достигли способности забыть при этом все остальное, что есть вокруг нас, и полностью сконцентрировали внимание на переживании этого цвета, - чтобы этот цвет не только иметь перед собой как нечто такое, что на нас действует, но так, что мы становимся едиными с этим цветом, сами находимся в нем. Тогда мы можем словно иметь следующее ощущение: Ты теперь сам в этом мире стал красным цветом, самое внутреннее существо твоей души вполне стало цветом; и когда ты сможешь теперь вступить в мир с твоей душой, то ты придешь туда как душа, преисполненная красным, - ты будешь везде жить в красном цвете, с красным цветом и исходя из красного. - Но тогда, при такой интенсивной душевной жизни, соответствующее ощущение цвета не может не перейти в моральное переживание, в действительно моральное переживание; Когда таким образом весь мир стал как бы расплавленным в красном, стал идентичным с красным цветом, - когда человеку сама его душа является, как и мир, в совершенно красном цвете, тогда не избежать ощущения, как если бы весь мир вместе с нами самими пронизан в этом красном цвете субстанции божественного гнева, который со всех сторон излучается на нас за всё то, что в нас есть из возможностей со творить зло и впасть в грех. В этом бесконечном красном пространстве мы можем ощутить себя словно находящимися под карающим Судом Божиим, и наше моральное ощущение может стать моральным ощущением, расширившимся до бесконечности. И когда затем в нашей душе нечто всплывает как реакция себя в бесконечно красном, - я мог бы также сказать, в единственно красном цвете, - тогда это может быть только так, что это возможно обозначить словами: научаешься молитвам. Если могут пережить в красном излучение и пылающие божественного гнева против всего того, что может быть заложено в человеческой душе как возможность сотворить зло, и если в красном могут испытать, как научаются молитвам, - тогда переживания себя местно с красным цветом бесконечно углубляется. Тогда мы можем также проследить, как красный цвет, формируясь, может выступить в пространстве.

Затем мы можем постичь, что мы можем иметь переживание некоего Существа, которое излучает из себя добро, которое преисполнено божественной доброты и божественного милосердия; это Существо мы можем ощутить в пространстве. Тогда мы почувствуем необходимость, чтобы эти ощущения присутствия в пространстве божественного милосердия, божественной доброты, смогло выразиться в форме цвета. Мы ощутим потребность дать защиту той пространственности, откуда излучается доброта, милосердие. Пока этой защиты не было, все это было собрано, вполне сосредоточено в одном центральном пункте, а теперь эта доброта и это милосердие выносятся в пространство, распространяясь подобно облакам; таким образом они оттекают, рассеивают то, что отклоняется от милосердия. И мы получаем чувство: это должно сделать красный цвет углубляющим, отступающим. И тогда мы получим чувство: здесь посередине мы

сеем обозначить некий розово-фиолетовый цвет, как излучающийся в отгесняемый красочный цвет. (см. рисунок)

Тогда мы всей нашей душой будем вместе с таким формированием цвета, совершаемым им самим. Мы затем всей нашей душой ощутим, что мы теперь имеем ощутить тех существ, которые в особенности принадлежат к нашему земному развитию и которые, когда они поднялись до бытия Элохимов, способны создавать из красок (цветов) красочный мир. Так мы научаемся ощущать нечто о творческом деянии Духов Формы, которых мы знаем как Элохимов. И тогда мы понимаем, что формы, создаваемые красками /цветами/, могут быть художественным произведением, как это отмечено в моей первой драме-мистерии. Мы также поймем кое-что тогда, что поверхность, покрытая красками, должна стать для нас чем-то таким, что должно быть преодолено, если мы хотим вместе с тем или иным цветом вступить в Космос. Если это происходит при наличии сильного желания этого, тогда может возникнуть та кое ощущение, какое живет в Штрадере (в первой драме-мистерий) в тот момент, когда он смотрит на портрет Капезиуса и говорит: "О, этот холст, - я хотел бы пробить его".

Если Вы примете такую драму-мистирию, тогда Вы усмотрите, как представляется нам то, когда наши души пытаются дать себе нечто воспринимать от космических сил, если она чувствует себя вместе с Духами Космоса. Это действительно было началом всего искусства. Но затем должно было придти материалистическое время; и это древнее искусство, выступавшее с божественными нюансами, когда духовное /сверхчувственное, как внутренняя сущность, открывалось посредством материи, должно было измениться во вторичное материалистическое лжеискусство. Искусство материалистического времени является тем искусством, которое не творит, но может только подражать. Это есть признак всего вторично-художественного, всего лжехудожественного, что оно нуждается в сюжетах, чтобы следовать им, и что оно не творит первичным образом сразу форму вместе с содержанием.

Возьмем другой случай. Прделаем с поверхностью оранжевого цвета то же самое, что мы сейчас прделали с красной поверхностью, С поверхностью оранжевого цвета мы испытаем на опыте нечто совсем иное. Когда мы погружаемся в нее и становимся единой с нею, то мы не будем иметь тех ощущений божественного гнева, направленного на нас, но мы почувствуем: то, что теперь направлено на нас, еще лишь в самой малой степени имеет в себе серьезность гнева; но это есть нечто такое, что хочет нам сообщить, - оно не хочет нас только карать, но хочет вооружить нас внутренней силой.

Когда мы стали едиными с поверхностью оранжевого цвета и затем вступаем в мир, то мы с каждым нашим дальнейшим шагом чувствуем следующее. Посредством этого ощущения себя в оранжевом цвете, посредством этой жизни в силах оранжевого цвета мы вступаем в мир таким образом, что становимся сильнее и сильнее; так что нас не грозит раздавить Страшный Суд, но то, что подступает к нам из оранжевого цвета, действует не всего лишь карая, но как наш усилитель. Так живем мы в мире вместе с оранжевым цветом. Тогда мы научаемся постижения сущности вещей и усвоения этого нами. Посредство жизни в красном цвете мы научаемся молиться. Посредством жизни в оранжевом цвете мы научаемся познанию, -жажде познания внутренней сущности вещей.

Если есть поверхность желтого цвета и мы прделываем с нею то же самое, тогда в этом переживании желтого мы чувствуем себя, я бы сказал, словно перенесенными в начало нашего цикла времени. Мы чувствуем: теперь ты живешь в тех силах, из которых ты был издан, когда вступал в твою первую земную инкарнацию. - То, что есть на всем протяжении существования Земли, - это чувствуют родственным с тем, что выступает навстречу человеку из окружающего мира, в который он вносит себя, став идентичным желтому цвету.

А если отождествляют себя с зеленым цветом, и с этим зеленым цветом шествуют через мир, так этого можно достигнуть особенно легко следующим образом: дают своему взгляду скользить по зеленому лугу и стараются отвлечься от всего остального, стараются полностью сконцентрировать внимание на этом зеленом лугу, погрузиться в зелень луга, созерцать зеленое как поверхность некоего красочного моря и затем погрузиться в зеленый прет. Если постараются жить так в мире, тогда переживают внутреннее усиление того, что есть в отдельной инкарнации. Тогда переживают, что сами становятся душевно крепче, но вместе с

тем - также становление душевного эгоизма, возбуждение эгоистических сил в собственной душе.

Если же это проделывают с поверхностью синего цвета, то шествуют через мир, ощущая потребность все дальше и дальше шествовать вместе с синим цветом, преодолевать в себе эгоизм, развивать в себе самоотверженность, становясь словно макрокосмическим существом. И находят себя осчастливленными, если могут пробить в этом представлении и встретиться тогда с божественным милосердием; чувствуют себя обретенными милостью божественного милосердия, когда таким образом шествуют через мир.

Так научаются познанию внутренней природы красочного. И как было сказано, можно предвидеть наступление времени, когда подготовка, которую будет проходить живописец как художник, станет означать такое моральное переживание себя в цветах /красках/; тогда это переживание в качестве подготовки к художественному творчеству будет становиться гораздо задушевнее, гораздо интимнее, чем это имело место когда-либо в прошлом. Ибо то, что я здесь даю, суть только отдельные намеки, указания на то, что еще - должно быть дальше развито в будущем. Это будет иметь колоссальное значение для художественного творчества человеческой души и сможет сделать его живым, тогда как вступление материалистического культурного развития в нашу теперешнюю эпоху иссушило человеческую душу, сделало ее пассивной. Человеческие души должны снова иметь побуждения, исходящие из внутренней силы, - должны будут черпать и из внутренних сил самих вещей. В качестве специфического примера этого я привел цвета, которые флуктуируют в окружающем мире.

Совершенно подобным образом наступает углубление и оживление человеческой душевной жизни через мир музыкальных тонов. Существенной особенностью прошедшего времени в этом отношении было то, что человек переживает отдельный музыкальный тон как таковой и затем отношение одного тона к другому. В будущем человек сможет своим переживанием проникать за музыкальный тон. Он становится воспринимать музыкальный тон словно некое окно, через которое он вступает в Духовный /Сверхчувственный/ Мир и тогда он не будет зависеть от того неопределенного чувствования как тон соединяется к тону, например, в мелодиях, но за отдельными тонами душа будет иметь - сквозь них - морально-спиритуальные переживания. словно через некое окно душа будет проникать через музыкальный тон в Спиритуальный Мир. Тогда тайны отдельных тонов станут раскрываться за ними.

Мы еще далеки от того чувствования, чтобы мы через каждый тон могли, как через некое окно, войти из мира внешних чувств в Спиритуальный Мир. Но это придет. Мы станем ощущать музыкальный тон словно некий проем, который готовили Боги из Мира потустороннего для нас, в этот физически-чувственный мир, и мы тогда будем через тон подниматься из физически-чувственного мира в Спиритуальный Мир. Мы, например, через "приму", ощущаем ее абсолютно, а не в примысливании к предшествовавшим тонам шкалы тонов, почувствуем как поднимаемся из мира внешних чувств в Спиритуальный Мир, - правда, поднимаемся исполненным опасностью образом. Опасность состоит в том, что это восхождение угрожает полностью пленить нас, что "прима", как страшная всасывающая сила, хочет захватить нас через окно этого музыкального тона и дать нам вполне исчезнуть в Спиритуальном Мире. Значит, мы станем чувствовать, ощущать "приму" как нечто абсолютное, что мы спиритуально еще слишком слабы в физически-чувственном мире, и что нас поглотит Спиритуальный Мир, если мы поднимемся в него через это окно. Это будет тем моральным ощущением, которое мы сможем иметь при восхождении в Спиритуальный Мир через "приму".

Впрочем я сейчас характеризую это переживание упрощенно; между тем, оно будет ощущением, содержащим в себе весьма дифференцированные, бесконечно многообразные частности, которые мы тогда переживаем.

Когда мы затем поднимемся из физического мира в Спиритуальный Мир через "секунду", как через некое окно, то мы ощутим, что в потустороннем Духовно-спиритуальном Мире есть Силы, которые испытывают словно сострадание к нашей слабости и гласят: Ну да, ты стал слишком слабым в этом физически-чувственном мире; когда ты поднимаешься в Духовный Мир только через "приму", то тебе приходится там растворяться, быть всосанным, раздробленным. Но если ты поднимаешься через "секунду", то я хочу нечто принести тебе навстречу из Духовного

Мира и напомнить тебе о том-то также есть в потустороннем Мире. - Когда мы поднимаемся из физического мира в Спиритуальный через "секунду", тогда своеобразием этого является то переживание, как если бы навстречу нам звучала некая сумма музыкальных тонов, которые воспринимаются человеком. А в совершенно беззвучный мир вступают тогда, когда вступают в Спиритуальный Мир через абсолютную "приму". Когда же проникают в него через "секунду", то если прислушаться, там человеку едва слышно звучат высокие тона, которые хотят утешить его относительно его слабости.

Когда таким образом переживают музыкальные тона, надо отождествить себя с ними, взять ид с собой, полностью жить по ту сторону пелены, которая теперь отделит нас от физически-чувственного мира и в которой образуются "окна", каким являются так переживаемые музыкальные тона.

Когда в Духовный Мир вступают через "терцию", то еще имеют чувство сильной, очень сильной слабости. Когда таким образом вступают в Спиритуальный Мир, то чувствуют, что были собственно слабыми в физически-чувственном мире в отношении его спиритуального содержания. Но сам став "терцией", став теперь самой "терцией", человек чувствует, что в потустороннем Мире у него есть друзья, которые подступают к нему сообразно тем качествам, какие были у него в физически-чувственном мире. При проникновении в Спиритуальный Мир

"секунду", воспринимается едва слышное звучание многих тонов, в которых живут в общем; при проникновении же через "терцию", навстречу человеку звучат словно дружественные тона. Те, кто хотят стать композиторами, должны проникать в Спиритуальный Мир в особенности через "терцию", ибо тогда им даются последовательности музыкальных тонов, композиции музыкальных тонов, которые становятся стимулами их художественном творчестве. Эти дружественные тона не всегда бывают одними и теми же для человека, но их род зависит от того, каким он был в своем настроении, переживании, темпераменте, короче во всем ведении своей жизни. Итак, вступая в духовную жизнь через "терцию", встречаются с бесконечным многообразием музыкальных тонов.

Когда же вступают в духовный Мир через "кварту", то имеют пренебрежительное переживание; испытывают, что теперь ни с какой стороны не возникают никакие другие тона, но то самое, что уже возникло, что было пережито на опыте с "терцией", живет в душе в легко приходящих воспоминаниях. И тогда находят, проникнув в Спиритуальный Мир через "кварту" и живя дальше со своими воспоминаниями о музыкальных тонах, что эти воспоминания о тонах все время изменяются в своих нюансах так, что они то развиваются в самые светлые, радостные и веселые, то ниспадают до крайних печали, - становятся то солнечно светлыми, то траурными вплоть до покоя гробницы. Температура строя / / . повышение и понижение тона, короче, ход изменения строения того или иного музыкального произведения, получается путем этих воспоминаний о прежде услышанных музыкальных тонах.

"Квинта" дает больше субъективные опыты и переживания; она действует стимулируя и обогащая душевное переживание. Она действует подобно некоему волшебному жезлу, колдовски извлекая тайны мира музыкальных тонов из непостижимых глубин потустороннего Мира.

Такие переживания имеют тогда, когда общаются с вещами, с явлениями окружающего мира; не просто глядя на них, слушая их, но когда их внутренне переживают. Благодаря этому роду переживания, а именно цвет /красок/ и музыкальных тонов, но также и форм, короче, всего художественного, может быть найден путь, которым следует пойти человеку, чтобы вырваться из всего лишь внешнего отношения к вещам и событиям /что является признаком материалистической эпохи/ и проникнуть во внутренние глубины вещей, в их тайны.

Тогда к человеку придет сознание, в высшей степени значительное сознание об его связи с Божественно-Духовными Силами, которые руководя ведут его через мир, но остаются подсознательными для материалистического сознания. И тогда прежде всего выступит нечто вроде внутреннего переживания тех сил, которые, например, проводят человека от одной инкарнации к другой.

Если не разжечь топку в паровозе, то он не двинется по железнодорожному пути. Силы, приводящие к свершениям в мире, должны непременно стимулироваться. Так должны стимулироваться и те силы, которые толкают человека вперед. Но человек должен научиться знанию, как ставить себя в связь с этими

силами.